

Он знал, что эта боль в плече
уйдется к вечеру, и влез
на печку, где на кирпиче
остывшем примостился, без

движенья глядя из угла
в окошко, как закатный луч
касался снежного бугра
и хвойной лесопилки туч.

Но боль усиливалась. Грудь
кололо. Он вообразил,
что боль способна обмануть,
что, кажется, не хватит сил

ее перенести. Не столь
испуган, сколько удивлен,
он голову приподнял; боль
всегда учила жить, и он,

считавший: ежели сполна
что вытерпел — снесет и впредь,
не мог представить, что она
его заставит умереть.

Но боли не хватило дня.
В доверчивости, чьи плоды
теперь он пожинал, вина
себя, он зачерпнул воды

и впился в телогрейку ртом.
Но так была остра игла,
что даже и на свете том
— он чувствовал — терзать могла.

Он августовский вспомнил день,
как сметывал высокий стог
в одной из ближних деревень,
и попытался, но не смог

название выговорить вслух:
то был бы просто крик. А на
кого кричать, что свет потух,
что поднятая вверх копна

рассыплется сейчас, хотя
он умер. Только боль, себе
пристанища не находя,
металась по пустой избе.

1964—1965